

ВЛАДИМИР ЩУКИН

НА РАССТОЯНИИ
РУКИ

СТИХИ

г. Петропавловск
ОБЛАСТНОЙ ФОНД КУЛЬТУРЫ

1991

ВЛАДИМИР ЩУКИН

НА РАССТОЯНИИ РУКИ

СТИХИ

г. Петропавловск
ОБЛАСТНОЙ ФОНД КУЛЬТУРЫ
1991

Щукин Владимир

На расстоянии руки. Стихи. г. Петропавловск,
Областной фонд культуры—130 с.

У автора сборника стихов Владимира Щукина это первая книга. Ее основная тема— утверждение нови села в краю целины, где старожилы еще помнят Горькую Линию—символ ушедшего прошлого, а сегодня обновленную созидательным трудом людей. Раздумья о времени вводят в мир, полный творческого поиска и устремленности в будущее.

Стихи автора публиковались в областных и республиканских газетах, в журналах и коллективных сборниках.

Владимир Щукин живет в Северном Казахстане, работает редактором районной газеты. И—пишет стихи.

С уважением отношусь к стойким, творчески состоятельным людям, которые не клянут судьбу, не бьют себя в грудь, а работают, ибо иначе просто не могут. А то, что автор этого сборника личность, творчески состоятельная, бескоп подтверждает его первая, долгожданная для автора и, думаю, не разочаровавшая читателей полновесная поэтическая подборка в первом номере «Простора» за 1988 год. Конечно, появиться бы ей лет этак на десять—пятнадцать раньше. Собственно, тогда автор и предлагал свои вещи журналу, но не вина его в том, что они не пошли: перекрывали дорогу тем, у кого, как говорится, локти крепче. Многие стихи, что наконец-то увидели свет на журнальных страницах, писались не в последние годы, но и в такой публикации есть свой резон и своя мудрость: хорошие стихи не стареют.

Словом, естественно и закономерно появление у Владимира Щукина этого поэтического сборника. В стихах, условно говоря, пейзажных, лирических бьется-пульсирует мысль, тревога, забота, поиск смысла бытия, гармонии, а строк пусто порожних, неработающих здесь, слава богу, почти не встретишь. И еще подкупающее свойство стихов Владимира Щукина — доброта чувства, взгляда на мир, благородство душевное, мягкость.

Стою на расстоянии руки
от звезд, что на ладони у реки,
лишь плеск воды у легкого весла,
как будто шелест птичьего крыла,
лишь небо, видимое до дна,
колосья хлеба, полные зерна,
комбайнов вспыхнувшие огоньки
у звезд, что на ладони у реки.
И стала ночь похожей на рассвет.
...Родился, может, где-нибудь поэт.

РОВЕСНИКУ

Как живешь?
Что снится ночью?
Чем рискуешь?
Может быть, пригрелся в Сочи,
в ус не дуешь?
Кто ты—физик или лирик
в свои 40?
Может, где-то на Курилах
новоселом?
Дружишь с ветром или с дачной
тишиною?
Веселятся или плачут
за стеню?
Может, деньги ты считаешь
для чего-то?
Может быть, тебя считают
Дон Кихотом?
Сердце жжет какая новость
до озноба?
Может быть, пытается совесть,
как Чернобыль?
Будут рифы и откосы,
будут песни.
Отвечать на все вопросы
будем вместе.

ЯНВАРЬ

Потянуло с севера, подуло,
запуржило снегом, замело.

У зимы особая натура
и свое, как видно, ремесло.

Каждый день как будто праздник снега
и улыбок нам не занимать,
ведь недаром в снеге слышно—нега,
небо, Вега и снега опять.

Никому снег нынче не перечит,
окрыляет юность он, как встарь.

И стоит у года на крылечке
первый на селе жених—январь.

Женщина сказала на заре:

«Только б раньше срока не стареть,
только бы морщинки не считать,
раньше срока их не замечать,
только б осень, как бы не пылала,
но весну в душе не отменяла».

А когда растаяла зоря,
тишину нарушил плач дитя,
женщина сказала: «Ах, забыла!
Вот уже и утро наступило».

Улыбнулась женщина,

как будто

молодеют матери под утро.

В РОДНОМ КРАЮ

У села название негромкое—
лопушки.

В нем что-то от лугов,
от озер, березового колка,
близны ковыльной, лопухов.

Островком в степи маячит Уткино,
уплывают дымкой Симаки,
умываются росой утренней
на душистом сене светлячки.

Позови опять меня, Усердное,
ты себя Усердным нарекло
за свое усердие, наверное,
за свое сердечное тепло.

И Пресновка вновь вдали виднеется
дымкой над озерною водой,
старой деревянной мельницей,
что стоит в селе, как часовой.

И меня всегда хлеба манили
той земли, где жду своих удач,
где прошли по бывшей Горькой Линии
линии электропередач.

—Мне бы в школе детишек учить...

—Мне б с серпом по хлебам походить...

—Мне б на лодочке по реке...

—Мне бы сторожем на маяке...

—Я у дочки давно не гостил...

—Я к своей бы поехал—нет сил...

—Да и я уж теперь домосед...

—Что-то писем от внука все нет...

Говорят меж собой старики,
их слова—будто всплески реки.

РАНЬШЕ...

—Раньше, вспомнишь,
бежали босые
и вставали
рано на заре,
если уж дожди,
то проливные
и зима да снег
была щедрой.

--Раньше молодежь
была смиреннее
и друг друга
больше берегли,
даже небо
было голубее
и сильнее
голоса земли.
Были мужики
в завидной силе,
что траву косить,
что лес валить...

—Раньше мы с тобой
моложе были!
—Ну да что
об этом говорить...

Жаль воды,
по которой и лодки не плавали,
жаль огня,
у которого тихо не плакали,
жаль вины той,
в которой еще не признались,
жаль судьбы той,
в которой мы все обознались:
мы считали,
она до корней исковеркана,
оказалось,
она вся с зелеными ветками,
жаль,
детсад стороною обходит писатель,
жаль,
что это не я у детей воспитатель.

Кажется,

что снег—не настоящий,
если не слепящий, не хрустящий,
если для тебя он не целебный,
если он по запаху не хлебный.

Кажется,

что дом не настоящий,
если не смеются в нем, не плачут,
если в нем среди мужского брата
нет такого, кто чудаковатый.

Кажется,

что дед не настоящий,
если он не пьющий, не курящий,
если ночью, накряхтевшись слишком,
сам себе не снится он мальчишкой.

Кажется,

ты сам—не настоящий,
если не мечтаешь ты о счастье,
и похоже счастье то на внучку,
дедушка ведет ее за ручку.

Ошибаться в человеке—спотыкаться
на глухой, неведомой тропе,
заблудившись, путником стучаться
к самому себе,
забыв про зиму, вдруг пытаться
слушать голос речки подо льдом.
Ошибаться в человеке—ошибаться
в своем сердце,
а потом в чужом.

• • •

В юности советуется с ветром,
с веткою зеленою, с травой,
со снежинкой и с дождинкой лета,
а потом уже с самим собой.
Нет пока ни титулов, ни званий
и манит береза на ветру,
и легко подумать о призвании,
как проснуться рано поутру,
выйти в поле, подмигнуть лукаво
солнцу в оперенье облаков.
...В старости советуется с камнем,
выточенным мудростью веков.

УТРЕННИЕ СТИХИ

...А ветки вновь сплетаются,
звезда летит к звезде,
а дети к сказке тянутся,
как корни трав к воде.
Блестят росинки искрами,
как угольки в золе,
а дети верят искренне
в бессмертье на земле.
Туман лежит, как кружево,
на утреннем окне,
а детям снится мужество,
Чапаев на коне.
На речке лодки с веслами
себя уж не таят,
а дети наши взрослыми
скорее стать хотят.
А жизнь—не каша с ложечки,
и дело, может, в том:
мы—дети все немножечко,
когда чего-то ждем.

• • •

Чуждинку в человеке открываешь,
как будто окна настежь открываешь
в себе самом ты рано на заре,
и по чуждинкам ты,
как по тропинкам,
идешь и открываешь
путь к себе.

СОВЕСТЬ

Так случается: ночами
не дает никак уснуть
голос матери печальный
пред разлукой: «Не забудь».
И послышатся однажды
плач обиженных детей,
зов далекий и протяжный
затонувших кораблей.
И появятся тут мысли,
и они среди тишины
жгут нам сердце, будто письма
невернувшихся с войны.
Голоса над изголовьем
так и вводят хоровод.
Это совесть,
 это совесть
нам покоя не дает.

Живут мечтами Циолковские,
их претворить скорей спеша,
и в формулы скупые, броские
вдруг выливается душа.

Стремятся к точности механики
и небом бредит астроном,
и слышит он планет дыхание,
как шелест ветра за окном.

И ждут свой час, как перед стартом,
еще немые чертежи.

А на снегу, уже чуть талом,
луна осколками лежит.

Стоят деревья силузтами,
как откровения земли,
и мчатся в снах они ракетами
туда, где отблески зари.

А в небе звезды хороводятся,
свершает спутник свой полет,
и удивленная, как школьница,
Земля на цыпочки встает.

Посвечивают океаны
и, не тая земную суть,
шуршат ее меридианы,
как листья в сказочном лесу.

СКАЗКА

Сказку мы не даром полюбили,
ну, а чтобы сказку сочинить,
надо между выдумкой и былью
не терять невидимую нить.
Чтобы сказка новая, рождаясь
в блеске звезд и шорохе крыла,
открывала солнечные дали
и тропой неведомой вела.
Чтобы пели ветры над травой,
родники искрились под горой,
чтобы в споре с силой наземною
побеждало все-таки добро.
От чудес нам никуда не деться,
юным душам сказка, точно хлеб,
только б жили на виду у сердца
детские забавы на земле.
Пусть наш мир земной еще не ласков,
только детям—что ни говори—
хоть одну-единственную сказку
человек обязан
подержать.

Я хотел бы
превратиться в остров,
нет, не в Остров сокровищ,
а в Остров надежды.
Я хотел бы
поменяться возрастом
с белокрысым мальчяшкой,
в веснушках, потешным.
Я хотел бы,
умерев, воскреснуть,
даже очутившись на горе,
какая есть.
Я спущусь к вам
даже с Эвереста,
если к тому времени
еще будет Эверест.

Девочку они околдовали,
злые духи, власть употребя.
Сердце, не знакомое с печалью,
бьется, не страдая, не любя.
Девочке за синими морями
ничего не надо занимать,
может говорить она с царями,
тайны мирозданья понимать.
Ничего той девочке не надо,
знает все она уж наперед:
не затронет сердца нежность взгляда,
алый парус вдалеку не позовет,
не обидит мальчик-забияка,
не ходить ей в росах до зари,
никогда от горя ей не плакать,
не гадать по звездам о любви.
... Ну а ты, а ты полна печали,
принимая это все всерьез,
словно бы тебя заколдовали
в девочку,
не знающую слез.

СОСЕД ПО КУПЕ

Он в шутку прячется, как в дом
в грозу ребенок малый прячется,
и, кажется, в его чудачествах,
впрятавшись, таится гром,
рассказывает анекдот
он так, как будто извиняется
за то, что ложь еще не кается,
а правда оправданья ждет.
В его веселости есть грусть,
а в грусти—что-то от веселости,
и для него нет в этом новости,
и спорить с ним я не берусь,

ХЛЕБ И СОЛЬ

«... есть роскошь человеческого общения» (А. де Сент-Экзюпери)

Надышаться бы мне росой
и водой, и травой весенней,
но дороже мне хлеб и соль
человеческого общения.

И как будто себя открыть—
лишь послышится мне вот это:

—Разрешите у вас прикурить?

—Нет ли лишнего билета?

Разделить бы с тобою боль
да и счастье под мирным небом,
лишь была бы и соль, как соль,
ну а хлеб оставался б хлебом.

* * *

Ах, как не хватает нам детскости,
а если вернее—крылатости,
а если точнее, то нежности,
а вообще-хоть маленькой радости,
Ах, как не хватает нам звездности,
а если вернее—открытости,
а если точней, то влюбленности,
а вообще-то—незаменимости.
Тебе не хватает и жалости,
и снов тех, что к счастью бывают,
а мне не хватает лишь малости—
того, что тебе не хватает.

* * *

Сделаем так и, может быть, не зря:
если вместе сила, ум и мужество,
то они в таком своем содружестве
все равно как три богатыря.
Не перою и одна улыбка—
это тридцать три богатыря.

Все куда-то спешат,
удивляться не надо—
и лет двести назад
все спешили куда-то,
все о чем-то шумят,
ну и что тут такого—
жизнь порой, как детсад,
и чуть-чуть бестолкова,
все попасть норовят
чуть поближе к прилавку,
что ж, и я виноват—
я ведь в этой же давке,
все чего-то хотят,
будто чуда ждут

или
собрались на парад,
а его отменили.

Знаем, шапка Мономаха
тяжела,
как и потная рубаха,
вошь беле,
тяжела бывает ноша,
вошь пуста,
тяжело вздыхать о прошлом
у моста,
тяжела зола от писем
дорогих,
как зависимость от истин
прописных,
тяжело, когда нас делают
по чинам,
как с похмелья в понедельник
по утрам.
Только что же я об этом?
Дело в том,
как меня он нынче встретит,
отчий дом?

ЧУТЬ—ЧУТЬ

Чуть-чуть не дошел,
чуть-чуть не доехал,
но все-таки с гор,
с полей слышал эхо,

чуть-чуть не открыл,
чуть-чуть не достроил,
но все-таки плыл,
но все-таки спорил,

чуть-чуть не достиг,
чуть-чуть не добрался,
но все-таки крик
сдержан постарался,

чуть-чуть не допел,
чуть-чуть не довидел,
но все-таки в плен
не сдался обидам.

Основу и суть
ничто не заменит,
но это «чуть-чуть»
ничуть их не меньше.

Были давно те времена,

говорим мы о них:

«Старина».

Сослуживца, уже с сединой,

просим мы:

«Ну тряхни стариной!»

И приятель уж слышать привык,

встрече радуясь:

«Здравствуй, старик!»

Под старинные вальсы грустим,

но старинных часов не храним,

покупаем часы поновей,

чтоб и нам не отстать от детей!

У одного—сани,
у другого—телега,
а третий ходит пешком.
Сани—без лошади,
без колес—телега,
а третий далеко уже
ушел пешком.
И так бывает:
иной хочет не войти,
а въехать в историю,
но нет то лошади,
то колес.

• • •
мнеи прошу одного—
идце друга не усомниться,
мннв его, гордиться
ислнть, омидая его.

мнеи прошу одного—
надежным товарищем,
для друга пристанищем,
мннв взамен йичего.

мнеи прошу одного—
для друга, полезным чем-нибудь,
сперить с ним, то по-честному,
мнннв выше всего.

дце трелетно застучало—
идыли меня друзья,
ь не верят они в меня!

мнеи прошу немало.

БЕДА

Заболел ребенок.

И куда

ни пойдешь, а там уже беда.

Тикают часы: беда, беда,

смотришь в зеркало—в глазах беда,

все, чего касаешься,—беда.

И квартира с множеством вещей

как беды открывшийся музей.

Тот много теряет,
кто не был на стройке,
кто не был охотником
в дэбрях лесов.

А жизнь без риска,
как свадьба без тройки,
как тройка без песни,
как песня без слов.

Тот много теряет,
чье сердце пустынно,
кто землю не видел
с большой крутизны.

А риск без удачи,
как степь без акына,
акын без домбры
и домбра без струны.

Тот много теряет,
кто в ревности плачет,
кого неудача
в пути подвела.

Пускай же тебя
не минует удача,
удача без зависти,
зависть без зла.

Дети хлопают в ладоши,
как взрослые,
дети очень любят кошек,
как взрослые,
дети глупые и мудрые,
как взрослые,
дети очень любят «мультяшки»,
как взрослые,
дети—физики и лирики,
как взрослые,
дети ссорятся и мирятся,
как взрослые.
Там, где сходства их со взрослыми
кончаются,
там для взрослых и вопросы
начинаются.

ОКНО

Вот так то и оно,
ты не стучит ко мне в окно
и не зовут меня в кино
мим друзья уже давно.

Вот в том и суть,
что даже в радости есть грусть,
что даже вспомнить не берусь
все то, что знал я наизусть.

Все дело в том,
что было многое в былом,
что сам себе кажусь окном,
покрытым снегом и дождем.

Кому-то в детстве лебеда,
кому-то—синяя звезда,
кому-то в юности война,
кому-то—звезды и луна,
а я завидовал звезде,
а я завидовал луне:
они глядели с неба
и не просили хлеба.

* * *

Жизнь... это значит стариться.

Ну, а если всерьез:

оглянется—не оглянется?—

в этом и весь вопрос.

Верится, что оглянется.

Выше и нет забот:

что после нас останется

тем,

кто кого-то ждет.

ИСТИНА

Истина—

не вынь да положи,
хоть ее и под сукно ложили,
истина, как зеркало души:
видно, если душу ту душили.

Истина—

всегда к кому-то иск
и она немислима без риска.

истина—

всегда как декабрист,
если не у власти декабристы.

Истина порою не слышна,
а порою громче канонады.

Истина лишь та,

когда она
для души одна
и для парада.

СОСЕДИ

В квартире соседей уют,
на стенах ковры—там и тут,
но в ней никогда не поют...

В квартире под вечер одна
такая стоит тишина,
вот-вот будто вспыхнет война...

Соседям под сорок уж лет,
но так же похож на рассвет
смех детский,
которого нет...

Что это значит,
когда учительница плачет?
Это значит—непорядок в ее классе,
а значит—непорядок в государстве,
и не иначе.
А может быть, плачет она от горя?
Может быть, и от горя—я не спорю.
Я вспоминаю свою учительницу:
глядеть на нее было мучительно,
когда от слез она старсю стапа
и мы знали, что умер Сталин...
Нам не простительно,
если плачет учительница.

ДЕД

С утра до обеда—
о жизни беседа,
дела есть у деда
и после обеда—
все та же беседа
со старым соседом
о том, что все беды
всегда до обеда,
все беды—пустяк:
а после обеда
...С чего я про деда
веду речь? Да так..

ВОСПОМИНАНИЕ О ВОЙНЕ

Май цветет.

И в праздничном уборе

шепчутся березы за окном.

Говорит на пионерском сборе

ветеран о небе голубом,

о траве душистой и о росах,

о лесах со множеством примет,

и о том, как он русоволосым

мальчиком любил встречать рассвет.

А потом сказал:—Меня просили

о войне вам рассказать. А мне

на войне так часто детство снилось,

значит, это тоже о войне.

СОСУДЫ ЗЕМЛИ

Сосуды земли—
сосульки весны,
зеленые сны
до самой зари.
И корни березки,
что светит вдали,
и детские соски—
сосуды земли.
Земные сосуды—
колосья пшеницы
и синие птицы
из сказок и судеб.
Сосуды земные—
мосты и причалы,
и люди, большие
чужою печалью.
Сосуды земные
с живою водой.
... И вновь, как впервые,
льет дождь проливной.

НАРОДНЫЕ ИГРЫ

В бабки, в лапту, в городки
мынче уже не играют.
и потому игроки
что-то в себе же теряют.

В каждой народной игре
детство эпохи светлеет.
Может эпоха стареть,
детство зато не стареет.

Что ж, поиграем в лапту,
бей по мячу да повыше,
мяч подхватчу на лету,
будто я снеса мальчишка.

Если же не дотянусь
я до мяча, что не лестно,
может быть, в Древнюю Русь
мяч улетит мне в отместку.

Скажут тут, удивлены,
предки, душою сияя:
—В новой Руси нет войны—
вон как в лапту-то играют!

• • •

—У чаши какая вина?

—Такая: стоит без вина.

—А чем провинилась пила?

—А тем, что тупою была.

—А чем провинился топор?

—А тем, что в работе не скор.

—А чем виноват молоток?

—Он гвозди не знал назубок.

—А сердце? Грешно ли оно?

—Да нет. Но болит все равно.

* * *

От яркого света слепнут,
от жаркого слова слепнут,
от горя большого слепнут,
от старости и от забот,
мы же с тобою вот-вот,
зрячие и молодые,
заплачем от колких фраз.
Может быть, лишь слепые
зрячие среди нас.

ВЫХОДНОЙ

На дворе по-прежнему судачат
и стучат нещадно в домино.
Ну а мы, соседей озадачив,
всей семьей отправились в кино.
Чт(и) нам надо? Сыты и одеты,
ник(и)му за это не должны,
будут еще радости и беды,
главное—чтоб не было войны.
Ну а сын, хоть учится на тройки,
говорит, чтоб оправдать себя:
Плохо вы ведете перестройку,
вам и тройку б не поставил я.

ЧАСОВОЙ МАСТЕР

Часто почему-то мне казалось
всякий раз, когда я с ним бывал:
то, что хитрых дел его касалось,
только он один и понимал,
будто до него часов не знали,
он их сам когда-то изобрел,
чтобы никогда не отставали,
он своей рукою их завел.
Говорит мне мастер в назиданье:
—Только раз я в жизни опоздал,
позабыв, шагая на свиданье,
что часы на сало променял.

Дважды два—бывает—не четыре,
если книги властвуют в квартире,
как цари единственные в мире.
В доме дышит каждая примета,
если прописалась в нем легенда
та, что деньгам неэквивалентна.
Постареет этот дом едва ли,
если в нем отцовские медали
для детей всегда на пьедестале.
Дом открыт. Пожалуйста, входите!
Только пыль с души своей стряхните,
а чисты душой, то извините.

О ВЫСОКИХ МАТЕРЬЯХ

О высоких матерьях—
говорить не смешно
там, где любят и верят,
там, где смотрят кино,
говорят о соседях,
о себе без прикрас.

О высоких матерьях—
это значит — о нас,
о войне и о мире,
о народной молве,
а еще о Сибири,
а еще о Москве.

О высоких матерьях—
это значит, — о не-
восполнимых потерях
на земле и в стране.
Потому и одно бы
чаще я повторял:
чтоб не рвал, как Чернобыль,
сердце тот матерьял.

СПИТАК

Спит Спитак.

И тикают часы: тик-так.

Спит мальчишка с книжкой «Спартак».

Девочка во сне смеется просто так.

Спит Спитак.

А до рассвета—только шаг.

Только завтра будет все не так.

Как же так?

Может, жили как-то мы не так?

И грехов уж воз, с не пустяк?

Завтра письма не придут в Спитак,

будет некому дарить цветы

и друзей спасать от клеветы,

но ведь будем живы я и ты,

значит, наведем и мы мосты

и городу,

где сжали боль в кулак.

...Спит Спитак.

И тикают часы: тик-так.

ГРИБЫ

Сильнее желание с годами,
его я ничуть не таю,
ходить не спеша за грибами
и верить в удачу свою.
Грибы собирать надо с толком
и знать, чтобы с пользой был труд,
какие пойдут на засолку,
какие на сушку пойдут,
а дома все так, деловито,
колдуя уже над плитой,
сварить суп, такой аппетитный,
ни с чем не сравнимый, грибной.
И скажет жена благодарно,
чтоб ты оттого просиял:
«А знаешь, в делах кулинарных
ты, может, уже генерал».
А может, она бы сказала,
забыв про домашний свой быт:
—Вот если бы все генералы
солить научились грибы!

СТАРУШКА

Все энергии стремишься и как лучше,
в суете не видишь—где же суть.
Измени знакомая старушка:
«Всё изменишь... Чай, снова недосуг!

Вам бы все машиной да машиной
на работам дольно бы катить.
А я так скажу: вот вам мужчинам,
в пешком бы надо походить!

Вы тогда б поболее примечали
и к чему и где вы снова врозь,
и земли заботы и печали
вам виднее стали бы, небось,

лучше б знали как ее уважить,
земли просто так не проведешь,
и глядишь—при доброте-то вашей
позднее б стала молодежь.

Вы и ты умаялся, сердешный,
нету времени перевести и дух,
и зата среди вас немало грешных,
негрешно послушать и старух».

И рукой махнула:

«Э, да что там!

Вам виднее, может, с высоты...»
И ушла она к своим заботам
от меня и нашей суеты.

—Знаешь, я ведь тоже виновата
 в том, что ты мне пишешь редковато,
 говоришь, что нет мечты крылатой,
 что и ты не при высоком чине,
 виновата я не без причины—
 нет, не так мы, видно, вас учили.
 Виновата в том, что так устала,
 виновата в том, что (как ни странно)
 вышло так у нас с Афганистаном,
 виновата в том, что ноют кости,
 что не ходите друг к другу в гости,
 что Чернобыль раной в сердце носим,
 виновата я, ты уж прости.

...Я молчу. О чем же речь вести?

До ее вины бы дорасти!

Если б лес умел говорить,
он сказал бы наверняка:
«Вы умеете, люди, жить,
раз умеете дорожить
чистотой родника».

Если б лодка заговорила,
то сказала б она тогда:
«Я лечу, как на птичьих крыльях,
потому что не разорили
вы и птичьего гнезда».

Речка тоже бы не смолчала,
если б речь она обрела:
«Раз грустите вы у причала,
значит, будут опять ночами
звезды плыть у весла».

Если б мысли осенили
гениальные,
не нужны тогда б вам были
премиальные,

если б в Сочи жили или
в Евпатории,
не нужны тогда б вам были
сангатории,

если б вы министром были,
обязательно
на руках бы вас носили
все приятели,

если б в космосе вы плыли
до Юпитера,
вы бы теще все простили
в чем обидела.

Теща скажет:

—Космос не-
предсказуемый,
может, зять хоть там вполне
образумится.

•

Уйти не пытайся—
есть суд над собой,
давай защищайся
травой и водой,

бедой и удачей,
и тем, чем силен,
и чему был причастен
и в чем уличен,

дружил ты с ветрами
иль жил с ними врозь,
парил с облаками
иль мохом оброс,

и был ли в сомненьях
дороже всех книг
и всех откровений
веселый родник,

возьми в адвоката:
весенний ручей,
рассветы, закаты
и море дождей,

и птицы, на счастье,
тебе все простят.
Давай защищайся,
они прилетят.

...А может быть, снится
мне суд над собой?
А птицы, а птицы
летят над землей.

Что-то просмотрели,
что-то не учли,
что-то не сумели,
что-то не смогли.

«Что-то много «что-то»,
что-то много «не»,
только грянул шепот
громом по стране,

будто в некоей повести
где-то у черты
съехал поезд совести
с рельсов доброты.

Стали стрелки времени
на часах войны,
но Чернобыль в темени
обрывает сны.

Нету зон ничейных,
есть одна Земля.
И обломки «Челленджера»
к нам в Байкал летят.

* * *

За собою, как со стороны,
мы следим порой, собой полны,
и ничуть не чувствуем вины
ни за то, что сердце не болит,
ни за то, что друг нам не звонит,
ни за то, что стонет инвалид.
На себя глядим со стороны
мы порой, как не из той страны,
где следы остались от войны.
Ну а где же эта сторона?
Только жаль, что не видна она
из окна.

Вещее слово и старое вече—
как из былого горящие свечи,
руки упали кому-то на плечи—
кто-то в опале за дерзкие речи,
вечная тема—шептанье под вязом,
строгое время подобно приказу,
чьи-то глаза и крылатая фраза.
...В чем-то нельзя ошибаться ни разу!

МУЗЕЙ ХЛЕБА

Здесь смешались звуки и цвета,
шум колосьев, неба высота,
чья-то боль и чья-то правота.

Для ветров всегда открыт музей,
потому что полон он дождей
и снегов, и гомона гречей.

Здесь в согласии соха и плуг,
потому что дружат лес и луг,
и серпа дуга, и сердца стук.

А музей большой. Он без границ.

Льется солнце с загорелых лиц
и века встречаются с веками:
одинаковые с хлебными буртами
очертания египетских гробниц.

А всего-то и надо успеть
досказать, достучаться, допеть
и дойти, и доспорить, и впредь
жаждой истины снова блесть.
А всего-то и надо—о том
не кричать и не лезть напролом
там, где должен быть первым детдом.
Только так. Остальное—потом.

• * •
Что у меня на кончике пера?
Вся панорама нашего двора,
где половодьем плещет детвора.
А что же на уме у детворы?
Незаменимость мудрой той игры,
где открывают новые миры.
Не потому ль перо я вновь беру,
что не зовут меня уже в игру,
где был бы я как нищий на пиру?

• • •

Не надо о веках,
поговорим с тобою
уж лучше о друзьях,
нам посланных судьбою,
не надо о вождах,
поговорим с доверьем
о том, что влопыхах
не выскажешь, наверно,
не надо о грехах,
поговорим спокойно
о белых облаках
над синею рекою,
не надо о стихах,
поговорим о прозе,
в которой о веках
листвой шумят березы.

в
о
о

врик: Древняя Русь,
еши плеч Ярославны
чанны, как радость и грусть,
мудрости перыце главы.
на крепостной не простак,
явлен поднимается снова,
наметая, где-то Спартак
вмогу впошит и Пугачёву:з

СПИРАЛЬ

По спирали история,
как известно, идет
через взлеты, застои
и берет в оборот
и дело, и ошибки,
и за плечи берет,
а много—за шиворот,
есть ведь всякий народ!
И летят по спирали
подхалимы, лжецы,
дураки, подпевалы,
подлецы и льстецы.
И сплелись, будто в дреке,
и бичи и рвачи,
бедолаги-бедняги,
культы все трубачи.
Но спираль разрывая,
чтобы новую вить,
мчатся часто в бесславье
те, кто уцелел нас жить—
правдолюбцы и стойки,
и поэты еще,
вместе с ними историки,
что сказали не все,
не смогли, не успели...
Но увидишь и даль,
если чувствуешь сердцем,
как упруга спираль.

В ЧАС ГРОЗЫ

тенище душевного порыва
нашеи души в час грозы
вспыхивая ярким над обрывом,
вспыхивая ярким стрелами,
всегда готовы быть в литавры,
вспыхивая там, на небесах,
кто в, кто в двух шагах от слова
кричат, что грозой пролах.

ИНДИРА ГАНДИ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

В пелене российского тумана,
вот она, и Ясная Поляна,
Ясная Поляна—вот она,
Женщина с печальными глазами,
гость моей страны—Индира Ганди
в думы о Толстом погружена.
Он похож был на Рабиндраната—
неумный, мудрый, бородатый,
без него душа была б не та.
Женщина тревожного столетья
знает, что она за все в ответе,
что не все на свете—суета,
В путь влекла неведомая сила,
в руку подать—его могилу,
в веке для памяти—не в суете.
По земле заветной и священной
женщине, забыт о жизни бременной,
босиком так трепетно идет...

Чай им от слова «встречай»,
друга встречай иль соседа.
Чай это Волше, чем чай,
или же чаем беседа.
Чай им от слова «очага»,
в чае души мы не чаем.
Ничень без концов и начал
в этих глоточках вот чая.
Чай не от слова «скучай»,
чай от здоровья, скорее.
Если не греет и чай,
то уж ничто не согреет.
Чай — он всегда будет чай,
идя за чаем тем вкусным,
вновь я забыл невзначай,
кто я — казах или русский?

СНЕГ ДА СНЕГ...

Снег да снег... Белым бело от снега
и пропала горизонта нить.
Изобилье снега—не помеха
о заветном самом говорить.
Много снега—добрая примета.
И мне кажется, лишь в лес войду,
наши годы белками на ветках
притаились и чего-то ждут.
О прошедшей юности вздыхая,
все же улыбнусь себе тайком:
без зимы и лета не бывает,
ну а осень—это уж потом.

АКТИВИСТ

Он был на пенсии по старости,
он признавал своей усталости:
он в споре с кем-то не плсшал,
он за кого-то хлопотал,
он шел на встречу с пионерами,
летоу с ними проводил,
он хор одних пенсионеров
на ветеранов сколотил,
писал заметки он в газету,
аналог высвечивал грехи,
и как-то раз, я помню, летом
принес в редакцию стихи,
я думал, что стихи о хлебе,
а были те стихи о небе,
и звездах, красоте зари,
ему ясно было—о любви.
Судьба его была капризной,
а может, на исходе сил
он просто тосковал по жизни,
еще как будто и не жил.

В классе есть «академики»,
«чемпионы» свои,
и порой не по теме
отвечают они.

Что ж,

простим им умение
говорить неважно,
только б смолоду меньше
было: «Я виноват...»
Виноват я, тем более,
что, в заботах иных,
я давно не был в школе
на уроках твоих.
А теперь, как ни странно,
здесь я в классе.

И вот
всё боюсь, что останусь
на второй, может, год,
позабыл про сумятицу
телефонных звонков
расторопных приятелей
и пустых чьих-то слов.
Мне бы только без шума
все свести к одному—

и решше приадуваться
и понять что и чему.
Минет, не географию
объясняют мне тут,
Б мою биографию
здесь выносят на суд.
Вон на сколько лобастых!
И ошибок не счастье...
Минет, в класса удастся
мне понять все как есть.

Дочь сидит по-соседству
и не знает (и пусть!),
что звёнка, будто в детстве,
в чинах не дождусь.

ОТКАЗ ОТ ИНТЕРВЬЮ

—Что во мне нашел ты, в самом деле,
не артист я и не академик,
только и того, что раз в году
первым пролагаю борозду,
и хвалить меня ты подожди,
я-то что! Во: были бы дожди!

ЮНОСТЬ

Надоели заделки,
что с них, с цифр, возьмешь?
Ничего! Ну а значит
лучше снова—под дождь,
под веселые струи,
чтобы пела душа,
чтобы видели люди
как ты хочешь бежать
в ту страну, где, наверно,
люди все—чудаки,
где дожди вместо денег,
вместо цифр—стихи.

Опыт жизни

Легок он, как песок на ладони,
но бывает весомый порой—
вдруг от крика чужого застонешь,
а от шепота вздрогнешь душой,
и с годами,

ты знаешь по опыту,
все короче и сердцу больней
расстояние от крика до шепота
да и в речке вода холодней.

Не надежд можно выстроить дом,
 лишь сияла луна над крыльцом,
 а когда будет в доме темно,
 чтобы кто-то стучался в окна.
 Дому много надежд ни к чему
 и одной бы хватило ему:
 те надежд—все равно как одна,
 ная на всех нас одна тишина.

Поезда порой опаздывают.
Ну и что?
И часы порой опаздывают.
Ну и что?
На свидания опаздывают.
Ну и что?
И признать вину опаздывают.
Ну и что?
И прощать порой опаздывают.
Ну и что?
И способствует опаздыванию
то да се.
Просто мы живем по-разному,
вот и все.

а тут на год, наверно, старше
еще никому, что умер маршал,
сочели траурные марши...
И начинать мне как-то странно,
что умер он, артист Папанов,
каждой елкой считай по пальцам.
И сообщенье, как бред,
в том, что умер в цвете лет
иранец признанный поэт.
И снова — траурная весть...
А мне за что такая честь,
что я еще на свете есть?

У года четыре времени,
но есть еще время пятое,
когда мы чуть-чуть Есенины,
да, жаль только, поздновато.
У года четыре времени,
но есть еще время пятое,
когда чудаки—как гении,
а гении—чудаковаты.

Кричали когда-то:

«Да брешь свое гнуть!
Надрыв в твоих песнях,
как твоя суть,
о руть им, по сути, пустая!»
Талан! до утра все не мог
в нем заснуть,
вырвался так,
чем лопнула вся грудь,
ни сердце гореть не устало.

Кричали когда-то:

«Принять бы к рукам!
Завезь бы его
на рукам и ногам
сепратами, сплетнями, слухом!»
Зубами скрипел в нем
талант по мечам!

—Нет, зрета!

Всего в нем на отдам!

Отдам лучше звездам и твистам!

Кричали когда-то,

о чем там кричать?
Кричал он и сам,
что не может молчать
и петь про одни лишь березки.

...А песня звучит
про меня же опять,
да кто же поет
про меня? Не понять.
Мне скажут:
—Да это ж Высоцкий!

ВЫСОТА

Во мне прелесть
дальше до той черты,
где полны доброты
старый как будто ты,
лишь с этой высоты
вижу, чем была,
слова, что у весла
се лодочной плыла,
знала и знала,
как тайно ремесла.

* * *

Ремеслу не дано устареть,
что б ценились железо и медь,
чтобы мачтою стала сосна,
чтобы пела у скрипки струна.
Почему же так грустно поет
та струна и за душу берет?
Может, видит зеленые сны
и как слезы текут у сосны.

Когда вспоминать мы беремся,
как будто и годы не в счет,
ведь мы говорим о березах,
о звездах, что вспыхнут вот-вот,
как будто листаем задачник
мы в школе, а даль так светла,
не там ли вот Дама с собачкой,
печальная, тенью прошла?
Не там ли, споткнувшись о камень,
качнулась ты—мне не забыть:
тянись до сих пор я руками
к тебе,
чтоб тебя подхватить.

А таланты—молчаливники
среди своих неудач,
и для них все—начальники,
даже те, кто без дач.
А таланты—романтики
до своей седины,
виноваты пред матерью,
хоть и нету вины.
А таланты талантом
называют тебя,
знают сами—и ладно!—
все они про себя.

Чувствуя радость полета
от покоренных вершин,
люди придумали ноты—
мудрые буквы души.
Деньги считая и годы,
снова торопимся в путь.
Люди придумали ноты,
чтобы от цифр отдохнуть,
чтобы светлей были весны,
если ж наступит черед
цифр—считать только звезды
ради рождения нот.

Сидит он, солидный и лысый,
над ворохом мыслей чужих
и ловит себя он на мысли,
что ветер за окнами стих,
что, выйдя в осеннее поле,
он снова допустит грешок—
опустит Пегаса на волю
и выдаст любовный стишок,
что вот для такого занятия
уж возраст, конечно, не тот,
пускай же хоть белое платье
в стихах, будто юность, мелькнет.
И, может быть, скажет он завтра,
стесняясь, что стих написал:
—А ты ведь всего лишь редактор,
поскольку талантом не взял.

СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА

Свет льется из окна
и ей так сладко спится,
не важно—кто она,
е важно то, что снится.

...Зал полон до краев,
сверкают ярко люстры,
и кто-то для нее
стихи читает с чувством.
...В нее был так влюблен
жених. Она не верит,
что в ревности сражен
он пулей на дуэли.
...Она в стране большой
судила и мирила,
и царскою рукой
войну остановила,
она—царица.

Но,
преодолев все власти,
зовет ее в кино
Серёжка—одноклассник.

Письма в работе нелишние,
письма Мария Ильинична
бережно в руки берет,
будто в живом разговоре
видятся лица рабкоров,
имя которым—народ.
Вспомнятся письма щемяще
с милым началом «Маняша!»,
с адресом кратким: «Тюрьма».
Вспомнит, как часто в подполье,
не остывая от споров,
письма писала сама.
Время не девичьих писем,
время воюющих истин,
тех, что в огне баррикад.
Письма живут и рискуют,
письма горят и всюют,
если в них—правды заряд.
Вспомнится, как захворала,
дел оставалось немало,
но не успеть все самой.
Лишь об одном пожалела,
что дописать не успела
важное очень письмо.

«ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ» В. И. ДАЛЯ

В каждом слове
светится нам даль,
а за далью,
как известно,—даль,
даже автор
этой книги—Даль,
будто даль
придумала словарь.

НА КУХНЕ

Было б вдоволь мяса с овощами,
а приправа—это уж не в счет.
И плывет над щами и борщами
женская улыбка на восход,
все туда, где чайки, а не чайник,
лодка с парусом, а не плита,
где девятый вал—один начальник
и совсем забыта суета.
Говоришь ты, как бы между делом,
не скрывая, что душа таит:
—Я бы в море чайкой полетела,
да боюсь, что борщ перекипнет.

* * *

У войны не женское лицо—
ведь войну придумали мужчины,
у вины не женское лицо—
виноваты чаще мы, мужчины,
и у лжи не женское лицо—
чаще лжем, конечно, мы, мужчины,
и у ревности не женское лицо—
ведь ревнуем чаще мы, мужчины..
Мать сказала, выйдя на крыльцо:
—Нет для спора видимой причины,
только жаль, что женское лицо
раньше срока блекнет от морщинок..

Так легко сегодня я дышу,
видно, ничего не напишу,
будто нет ни дыма, ни огня
на Земле, что верит и в меня.
Тем грешу, что я легко дышу,
что грехи свои легко ношу,
а чужие боли и грехи
просятся, но не в мои стихи.

ДЕТИ УЧАТСЯ РИСОВАТЬ

Дети учатся рисовать,
дети начали рисковать
не понять своего таланта.
Не дается никак пейзаж
и ломается карандаш,
но отчаиваться рановато.
Цвет особенный у грозы,
цвет особенный у росы,
а душа вот какого цвета?
А мальчишка все морщит лоб,
бросить кисть бы да взять весло,
да на лодочку бы до рассвета!
Дети учатся рисовать,
дети начали понимать
цвет и радости, цвет и боли.
Разберутся они во всем—
и в зеленом, и в голубом,
ну а в красном цвете—тем более.

* * *

Я тонул на пароходе,
оступаясь, в гору лез,
вспоминая, что ведь вроде
под ногами Эверест,
я был нищим на базаре,
жизнь отшельника влачил,
сорок девять наказаний
ни за что я получил,
был я ранен на дуэли,
проиграл я в карты дом,
сколько раз меня хотели
сделать люди подлецом,
в дом я свой, открыв ворота,
не того впустил, друзья,
по ошибке Дон Кихота
с Дон Жуаном спутал я.
Но со мной ли неудачи
эти были? Нет, едва ль,
ведь над книгами не плачу
я давно уже.

А жаль...

ТРИ ПЕЧАЛИ

Что мне делать, если три печали
по рукам и по ногам связали
и светлой пока еще не стали?
Первая печаль—твоя печаль,
на вторую ты пожмешь плечами,
скажешь: «Стоит ли не спать ночами?»
Ну а третья—все, что между строчек,
все, что для тебя—лишь между прочим.
...Все-таки печалься ты не очень.

ЯБЛОКИ

Ты яблоки любишь, я знаю,
а я вот грибы обожаю,
улыбкой ты светишься звездной,
а я вот и летом все мерзну,
невестой цветешь ты на свадьбе,
гостей бы всех к черту послать бы,
да так, чтоб столы повалились
и яблоки на пол скатились,
чтоб ты, их увидев, бледнела
и много бы яблок не ела.

...А впрочем, меня ты не слушай,
я знаю—ты любишь и груши.

До небес ее не возноси,
ей одну дождинку принеси,
не сули ей горы и моря—
все моря в той капельке дождя,
не считай с ней все до запятой—
жизнь схожа с капелькою той,
до небес любовь не возноси
капелькой дождя в своей горсти.

ОТВЕТ НА ПИСЬМО

Что-то много прилагательных
и притом необязательных,
и глаголы в избытке—
сократить вы их забыли,
а еще вы не заметили
вереницу междометий,
там и тут одни наречия—
видно, думать было нечего.
Словом, мало существительных
и к тому же я—учительница.
Только вы уж не отчаивайтесь—
хороши у вас причастия.

* * *

Слову удивиться—
как воды напиться,
словом достучаться—
как найти богатство,
все понять без слова—
как родиться снова,
а остаться в плесне—
то и это вместе.

* * *

На одну улыбку,
капельку дождя,
на одну ошибку
старше я тебя,
старше на разлуку,
на одну метель,
Протяни мне руку
и в меня поверь,
и в того, каким я
мог еще бы стать,
как в причуды инея
утром на кустах.
...Станешь ты у двери,
скажешь:—Дорогой,
старше тот, кто верит
больше, чем другой.

И. П. ШУХОВ В ПРЕСНОВКЕ:

30-ые ГОДЫ.

«Жизнь складывается из мелочей»,—
говорит ему связка ключей,
он ее достает у дверей.
Он стоит. Нужный ключ выбирает,
усмехнувшись, он вдруг вспоминает,
что не заперта дверь. Что ж, бывает!
Снова память его подвела.
Эта мелочь. При чем тут дела?
А при том, что бумага бела
на столе—ни единой строки,
лишь газеты, не черновики,
а в газетах—враги да враги...
Жизнь складывается из мелочей.
Написать бы про гомон грачей
да про хлеб,
что горчей и горчей...

У ЗЕРКАЛА

Улыбка сказала: «Как звездной»,
морщинка ответила: «Поздно...»,
улыбка сказала: «Весна уж!
Пора бы давно уж и замуж...»,
морщинка на это молчала,
по ней лишь слезинка бежала.
Поссориться надо б давно,
да зеркало было одно.

• • •

У разлуки утра не бывает,
на часах ее—всегда закат,
только стрелки на часах вздыхают,
не поймут, кто прав, кто виноват,
У разлуки лета не бывает,
на часах ее—всегда зима,
бой часов разлука отменяет
и сильнее снега кутерьма,
пусть разлуке снегом не укрыться,
пусть она уж на исходе сил,
ей бы знать, что и тому не слитя,
кто часы ее остановит.

Что ты ждешь от слова
самого простого
в тишине домашней
и в беседе важной,
и когда устала
в толчее вокзала?
А у слова корень
с корнем жизни ровень,
а его основа—
в таинстве земного.
Если борщ готовишь—
как готовишь новость,
если месишь тесто—
будто метишь в песню,
потому и снова
рядом хлеб и слово.

Что в нем?
Сеча бесславная
да плач Ярославны,
копьем время колется
с утра до темна.
Отчего же так хочется
в те времена?
Чистым бы небом
висеть без боли,
щедрым бы хлебом
шуметь мне в поле,
ясным бы взором
глядеть мне в дали,
знать, что не скоро
эпоха Сталина,
дорога бы санная
на всем пути,
знать, что самое-самое
еще впереди.
Что в нем загаданно,
а что угадано?
Подскажут облака
да Непрядва—река.

* * *

Ни дня без строчки,
пускай без точки,
была бы точка
зеленой почкой,
от точки той
до запятой
подать рукой,
жаль, запятая
всегда кривая,
а знак вопроса
глядит так косо,
что восклицательный
необязательный.
А может, в строчках
вся суть не в почках
и не в пенечках—
в лесу созвучий,
ломая сучья,
решает случай.

• • •

Все бывает, поскольку луна выплывает,
все бывает, поскольку снежинки сверкают,
все бывает, поскольку снежинки растают
на губах у двоих, что так часто вздыхают,
может быть, потому, что им третий мешает,
только третий о том, что он третий, не знает,
потому что он верит, что так не бывает.
Все бывает, поскольку луна выплывает
и поскольку об этом стихи сочиняют.

• • •
Осень между летом и зимой,
как лиса, тихонько затаилась,
нос поднимет—дождик проливной,
хвост распушит—снегом все покрылось.

И судьба прикинулась лисой,
потому и кажется сегодня:
осень между мною и тобой,
ну а может, просто межсезонье...

• • •
Не беда, что беда—
без беды не бывает,
только жаль, что звезда
вдруг от нас уплывает,
и беда—не беда,
если встретились двое,
только жаль, что вода
не морского прибоя,
на краю у беды
верим в добрые вести,
только жаль, что следы
не ведут в чью-то песню,
и беда—полбеды,
если время уж к маю,
да не знаю, как ты,—
все ли так понимаешь...

УЛЫБКА

Жду: голосом женским:

—Володя!—

окликнут.—Хочу я сказать:
какая погода сегодня,
что даже тебя не узнать.
—А кто же ты?—ей отвечая,
спрошу я, чуть вздрогнув душой.—
На вид вроде юность чужая,
моя уж не дружит со мной.
А, может быть, ты—моя осень
в наряде, подобном весне?
О чем же друг друга мы спросим?
с тобой мы на разной волне!
Ответит она:

—Нет, не шибко
ты памятлив. Скоро забыл!
Да я ведь твоя же улыбка,
давно ты ее подарил
той женщине, что не моргнула
и глазом—тебе солгала,
улыбку твою обманула
и ночью куда-то ушла.
..Никто не окликнул..

Но все же

—114—

невольнo замедлил я шаг.

А встреча, пожалуй, возможней,
чем думал.

Не так ли, душа?

Недавно, кажется,
чапаевцы скакали,
трепещет, будто
бурною, экран,
в детвора
все тянется руками
к тому экрану
и кричит «Ура!»
И пусть все то,
что будет на экрана,
уже давно
известно вперед,—
с чапаевской тачанки
неустанно
строчит по белой
лаве пулемет.
...Становится
над полем боя тише,
атак немало
будет впереди.
И замерли, и замерли
мальчишки,
еще немного,
время, погоди!

И будут вновь
сердца в восторге биться,
и будет блеск знамен
слепить глаза,
вот только бы
еще раз убедиться,
что не отступят
крастья назад.

А завтра вновь
(им ничего не стоит)
придут в кино мальчишки—
целый класс—
в надежде,
что Чапаев не утонет,
он все же выплывет
на этот раз.

В музейных залах тишина
и по полу теней скольжение,
последний воэглас удивления
у репинского полотна.

Уже в дремоте краски, но
они просвечивают души,
они огни свои не тушат,
сияют той же новизной.

А сумрак ночи все черней.

К чему картиннам наши почести?

Они томятся в одиночестве
и жить не могут без людей.

Они обступят вновь кругом
тебя, и ты для них—не лишний,
ведь время заново их пишет,
когда мы в ногу с ним идем.

РЕМЕСЛО

Марине Цап

Льдинка к льдинке—еще не картина,
льдинка в море—еще не пейзаж.
Ты представь, что плывешь ты на льдине
и боишься сломать карандаш.
Ты одна, беззащитная, в море,
нет и лодочки, нет и весла.
Может, легче быть нищей с сумою,
чем богатой в плену ремесла.
Ну, а впрочем, меня ты не слушай,
для тебя, может, это—пустяк.
Нарисуй лучше спелую грушу.
Улыбнись! Пусть другие грустят.

СОВЕТ БОГОВ

—Что же это люди? Нагрешили
так, что и грехов не сосчитать.
Не пора ли, чтобы мы решили
их за то как надо наказать?

—Да пора уже...

—А им все мало!

—Чтобы им не праздновать весну,
Землю всю окутаем туманом!

—Мор пошлем!

—Иль разожжем войну!

—Можно, только это старовато,
а не лучше ль сделаем-ка мы:
спрячем от них «Лунную сонату»,
а еще роман «Войну и мир».

К МАТЕРИ

Я кого-то обидел
и—обидел тебя,
в лжи я лжи не увидел
и—обидел тебя,
не болел чужой болью
и—обидел тебя,
сдался горю без боя
и—обидел тебя,
клевете открыл двери
и—обидел тебя,
в чьи-то сплетни позаврил
и—обидел тебя,
не скучал я по дому,
и—обидел тебя,
о тебе не подумал
и—обидел тебя,
И с годами обиды
все растут не шутя.
...Просто долго не видел
я, родная, тебя.

• * *
Написать бы что-нибудь такое,
что-нибудь такое о таком,
отчего и самое простое
говорит о чем-то дорогом,
написать бы что-нибудь такое,
что-нибудь такое о таком,
отчего так хочется порою
стать дождевой в небе голубом,
написать бы что-нибудь такое,
что-нибудь такое о таком,
что сравнить бы можно лишь с душою,
хоть сравненья, может, ни при чем,
написать бы что-нибудь такое,
что-нибудь такое о таком,
что скрывать ни от кого не стоит,
счит лишь печалиться тайком.

Полет женщина огород
и при этом она поет,
голос звонкий и молодой,
солнце знойное над головой,
ничего, что рядки длинные,—
небо чистое и нет войны.

Да и что вспоминать войну,
песню спела да не одну
про войну, что нещадно жгла
и оставила без крыла.

Полеет женщина и поет,
и работа к концу вот-вот,
до обеда бы ей успеть,
ей бы, может, на сцене петь.

Я соседке скажу:—Талант!
С вашим голосом бы в Милан!
И ответит она:—Да вот,
много камешков в огород
набросала судьба моя.

Ну а я-то... А что же я?
Я талантом своим живу
и меняю Милан на Москву!

КОРНИ

Ветки занавесили овраги,
горизонта тонкую черту.
Под землею корни-работяги
день и ночь питают красоту,
жизнью полнят матушку-природу,
даже и в засушливом году
под землею добывают воду,
как шахтеры ценную руду.
... Человек, о счастье беспокоясь,
посадил березку на земле,
потому что он ведь тоже—корень
той земли,
что дарит людям хлеб.

СТАРОСТЬ

Старость, скорей, от усталости
тело свое носить,
может, и не было б старости,
если бы не ходить.

Старость, скорей, от жалости
к детям, которым жить,
мбжет, и не было б старости,
если б их не любить.

Старость, скорей, от малости—
ночью тайком курить.
Если не будет старости—
юности уж не быть.

ПРАЗДНИКИ

Почка—начало праздника,
имя ему—весна,
праздники самые разные—
дождь, пароход, луна.
Празднуй один и с другом
первый и снег и гром,
празднуй разлуку-муку
и не темней лицом.
Мука твоя перемелится,
будет одна мука.
Там, над рекою, светится—
значит, поет река.
Есть и у речки праздники—
лодочки на волнах.
Праздники самые разные
в добрых твоих руках.

НАДЯ РУШЕВА

Стопка книг

и платья кружево,

Гончаровой силуэт.

Но я верю, Надя Рушева,

где-то рядом он, поэт.

Он уже вот-вот появится,
лишь осталось два штриха,
чтоб была жена-красавица
все такая ж, как в стихах.

Карандаш идет по линии,
как по зеркалу души,
как окно в морозном инее,
век, что видится в тиши.

Дым завьется бакенбардами,
снег на рукопись летит.

Торопить тебя не надо бы—

Пушкин сам к тебе спешит.

Он спешит, слегка подпрыгивая,
как мальчишка,

оттого,

что волшебница великая

ты,

не ведая того.

* * *

—Слово—лишь оно всего основа,
у искусств—начало всех начал,—
говорил поэт.

Художник отвечал:

—Только цвет всегда был выше слова,
Композитор головой качал.
И молчал. И все молчали
потому,
что музыка звучала.

СОДЕРЖАНИЕ

«Доброта души». И. Шухов	3
«Стою на расстоянии руки»	5
Ровеснику	6
Январь	7
На заре	8
В родном краю	9
«—Мне бы в школе...»	10
Раньше...	11
«Жаль воды, по которой...»	12
«Кажется, что снег не настоящий...»	13
«Ошибаться в человеке—спотыкаться...»	14
«В юности советуются с ветром...»	15
Утренние стихи	16
«Чудинку в человеке открываешь...»	17
Совесть	18
«Живут мечтами Циолковские...»	19
Сказка	20
«Я хотел бы...»	21
«Девочку они околдовали...»	22
Сосед по купе	23
Хлеб и соль	24
«Мальчика ударили...»	25

«Ах, как не хватает...»	26
«Скажем так...»	27
«Все к, да-то спешат...»	28
«Знаем, шапка Мономаха тяжела...»	29
Чуть-чуть	30
«Были давние те времена...»	31
История	32
«Я у жизни прошу одного...»	33
Беда	34
«Тот много теряет...»	35
Из педагогики	36
Окно	37
«Кому-то в детстве лебеда...»	38
«Жить— это значит стариться...»	39
Истина	40
Соседи	41
«Что это значит...»	42
Дед	43
Воспоминание о войне	44
Сосуды земли	45
Народные игры	46
«—У чаши какая вина!»	47
От яркого солнца слепнут...»	48

Выходной	49
Часовой мастер	50
«Дважды два—бывает—не четыре...»	51
О высоких матерях	52
Спитак	53
Грибы	54
Старушка	55
Первая учительница	56
«Если б лес умел говорить...»	57
«Если б мысли осенили...»	58
Суд	59
Чернобыль	60
«За собою, как со стороны...»	61
«Вещее слово и старое вече...»	62
Музей хлеба	63
«А всего-то и надо успеть...»	64
«Что у меня на кончике пера!»	65
«Не надо о веках...»	66
«Из истории—Древняя Русь...»	67
Спираль	68
В час грозы	69
Индира Ганди в Ясной поляне	70
Чай	71

Снег да снег...	72
Активист	73
На уроке у дочери	74
Отказ от интервью	76
Юность	77
Опыт жизни	78
Из надежд можно выстроить дом...	79
«Поезда порой опаздывают...»	80
«Я стал на год, наверно, старше...»	81
«У года четыре времени...»	82
В. Высоцкий	83
Высота	85
«Ремеслу не дано устареть...»	86
«Когда вспоминать мы беремся...»	87
«А таланты-молчалычки...»	88
Ноты	89
Редактор	90
Спящая красавица	91
М. И. Ульянова	92
«Толковый словарь» В. И. Даля	93
На кухне	94
«У войны не женское лицо...»	95

«Так легко я сегодня дышу...»	96
Дети учатся рисовать	97
«Я тонул на пароходе...»	98
Три печали	99
Яблоки	100
«До небес ее не возноси...»	101
Ответ на письмо	102
«Слову удивиться...»	103
«На одну улыбку...»	104
И. П. Шухов в Пресновке	105
У зеркала	105
«У разлуки утра не бывает...»	107
«Что ты ждешь от слова...»	108
«Слово о полку Игереве»	109
«Ни дня без строчки...»	110
«Все бывает...»	111
«Осень между летом и зимой...»	112
«Не беда, что беда...»	113
Улыбка	114
Кинофильм «Чапаев»	116
В музее	118
Ремесло	119

Совет богов	120
К матери	121
«Написать бы что-нибудь такое...»	122
Огород	123
Корни	124
Старость	125
Праздники	126
Надя Рушева	127
«Слово—лишь оно...»	128

ВЛАДИМИР ДАНИЛОВИЧ ЩУКИН

НА РАССТОЯНИИ РУКИ

СТИХИ

Редактор А. Пряников.
Художественный редактор К. Денисенко.
Технический редактор А. Априетов.
Корректор Л. Колмакова.

Сдано в набор 15. 12. 90. Подписано к печати
30. 12. 90. Формат 70х90 1/32 Бумага офсетная
№ 3 Гарнитура «журнальная». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 3. Усл. кр.—отт 1,5 Уч изд л 3,05
Тираж 2000 экз. Заказ № 2300

Цена 2 руб.

Областной фонд культуры. 642026 г. Петропавловск

Набрано в Пресновской районной типографии
643050 Сев. Каз. Обл. с. Пресновка ул. Ленина 1
отпечатано в областной типографии № 6
ПО «Полиграфия», 642026 г. Петропавловск
ул. Ленина, 11

